

Ли Цзиндэ сжал кулаки. Тан Шэнь же посмотрел на Елюй Иня и, слегка улыбнувшись, произнёс со спокойным достоинством:

— У нас, сунцев, есть старинная поговорка: «За одним листком не разглядеть и гору Тайшань». Если вы, господин Елюй Инь, лично не сдёрните этот листок, то как откроются вашему взору величественная гора Тайшань и процветающие земли нашей Великой Сун?

Елюй Инь лишь хмыкнул и больше не обращал на Тан Шэня внимания.

Все повернулись и покинули постоялый двор. Когда они уходили, кое-кто из чиновников Ляо вознамерился снова спровоцировать Тан Шэня и его спутников, но Ли Цзиндэ смерил их столь свирепым взглядом, что те вжали головы в плечи и не посмели более дерзить.

Если не считать третьего принца Елюй Ханя, Чжигулу был самым могучим богатырём среди присутствующих ляосцев. Однако под ударом Ли Цзиндэ он не продержался и единого мгновения. Попади этот сунский воин-чиновник в Государстве Ляо, он, чего доброго, стал бы первым воином Ляо по личному указу самого Императора Ляо.

В первый же день прибытия ляосцев в столицу Тан Шэнь с помощью Ли Цзиндэ существенно сбил с них спесь, заставив на время притихнуть.

Когда сунцы ушли, Елюй Инь покосился на Елюй Циня и бросил:

— Господин из Ведомства Ханьэр, занимайся своими делами. Разве третий принц из тех, кем ты можешь помыкать? Разве тебе под силу помешать ему, если он что-то задумал?

Елюй Цинь опустил сумрачный взгляд в землю и смиренно ответил:

— Я понял. Благодарю за предостережение, господин тайбао.

Елюй Инь даже не взглянул на него и ушёл, уведя с собой Елюй Ханя.

Оставшись наедине с ним, Елюй Инь с мрачным видом обратился к Елюй Ханю:

— Третий принц, другие не знают, зачем мы прибыли в Государство Сун, но неужели вы сами не понимаете? Ещё перед отбытием Великий учитель приказал нам разведать силы и слабости сунцев, выяснить, как им удавалось так долго держаться в Ючжоу и откуда они брали провиант и военное снабжение! Действительно ли всё дело в том тракте, что сунцы построили два года назад, или же здесь кроется иная тайна?

Елюй Хань попытался оправдаться:

— Господин тайбао, разве могут сыны нашего Великого Ляо терпеть подобный позор?

— Так значит, приказ Великого учителя выполнять не нужно?!

Услышав о «Великом учителе», Елюй Хань тут же не посмел больше возражать. Повесив голову, он тихо произнёс:

— Я во всём подчиняюсь вам, господин тайбао.

Тан Шэнь, уйдя с постоялого двора, направлялся не домой, а прямо в Приказ ритуалов.

Министр ритуалов Мэн Лан сегодня был на службе не во Дворце Циньчжэн, а у себя в Приказе

ритуалов. Встретившись с Мэн Ланом, Тан Шэнь подробно рассказал о произошедшем. Впрочем, личность Ли Цзиндэ он утаил, обмолвившись лишь, что взял с собой одного сунского стражника, который и посрамил ляосцев.

Выслушав его, Мэн Лан произнёс:

— Елюй Инь — княжеский тайбао, чиновник Северных палат. Двор ляосцев разделён на северные и южные чины: первые удерживают высшую власть, а вторые ведут дела с ханцами. Судя по твоим словам, Елюй Инь и впрямь, как говорят, ни во что не ставит южные чины и презирает Елюй Циня. Впрочем, между Северной и Южной палатами всегда были трения. — Выдержав паузу, Мэн Лан с улыбкой добавил: — Господин Тан — истинная опора государства! Всякий раз, приезжая в нашу Великую Сун, ляосцы ведут себя с невероятной дерзостью и бахвальством. Сегодня они, пожалуй, впервые потерпели неудачу.

Тан Шэнь сложил руки в приветствии:

— Господин Мэн переоценивает меня, ваш покорный слуга смущён.

— К чему смущение? Если сегодня, слагая хвалу господину Тану, люди скажут, что он младший ученик господина Вана, то завтра, заговорив о господине Ване, назовут его старшим учеником господина Тана!

Похвала была грандиозной до абсурда, но Тан Шэню от неё всё равно стало приятно. Он подумал: наступит ли тот день, когда самому Ван Цзыфэну придётся петь ему дифирамбы? Однако не успел Мэн Лан угостить его пряником, как тут же огрел кнутом:

— Завтра это поручение снова останется на господине Тане.

И впрямь, лесть даром не даётся.

Тан Шэнь вздохнул: понимая, что уклониться не выйдет, он принял приказ и удалился.

Мэн Лан, эксплуатируя Тан Шэня, был уверен, что тому не остаётся ничего другого, кроме как эксплуатировать Ван Цзыфэна ради выполнения поручения. Однако он и понятия не имел, что Тан Шэнь, покинув Приказ ритуалов, молча направился ко Дворцу Циньчжэн. Там он отвесил поклон Ли Цзиндэ, который прямо во дворе с аппетитом уплетал дыню, и произнёс:

— Доблесть генерала Ли поистине не имеет равных под небом, ваш покорный слуга бесконечно восхищён. Не будь сегодня рядом с нами генерала, подпали бы мы, сунцы, под издевательства тех ляосцев.

Ли Цзиндэ отбросил корку и похлопал в ладоши:

— Да те ляосцы — всего лишь дюжие грубияны! Чего их бояться?

«Да ты и сам не особо от них отличаешься», — подумал Тан Шэнь.

— Придёт ли генерал и завтра?

— Разумеется! С чего бы мне не прийти?

Едва сдерживая улыбку, Тан Шэнь поклонился:

— Ваш покорный слуга будет ждать генерала во Дворце Циньчжэн.

Пусть впереди и стоял Ли Цзиндэ, готовый как командующий второго ранга взять на себя ответственность в случае любой беды, Тан Шэнь не мог просто умыть руки и пустить всё на самотёк. Вернувшись домой, он размышлял, как завтра справляться с ляосцами. В этот момент в дверь постучала Тан Хуан и вошла.

Тан Хуан держала в руках grossбух и передала его Тан Шэню. Это была общая отчётность семьи Тан за этот квартал.

Тан Шэнь быстро просмотрел её.

Тан Хуан сказала:

— Брат, стоит нам начать раздавать те листовки, как ты учил, и торговля в нашем Павильоне Чжэньбао выросла ещё на десятую долю! Как тебе вообще пришла в голову такая отличная мысль? Сегодня управляющий Лу даже вздыхал при мне!

Тан Хуан сжала горло и, подражая тону и манере управляющего Лу, старческим поучительным голосом произнесла:

— Кабы наш молодой хозяин не ушёл на службу, а приложил все силы к торговле, дела семьи Тан уже давно гремели бы по всей Великой Сун!

Тан Хуан продолжила:

— На книжной печатне все свои, на бумагу и краску уходит совсем немного. Сначала эти листовки раздавали только в нашем Тереме Сися, но затем управляющий Лу воспользовался связями с Поместьем княжества Цзин и пристроил их в их Терем Цяньли. А теперь на улице Чжэньянмэнь во множестве лавок есть наши листовки!

Тан Шэнь подумал и сказал:

— Каковы сегодняшние листовки? Принеси, я взгляну.

Тан Хуан тут же сходила в свою комнату и вернулась с листочком желтоватой плохой бумаги риса, передав его Тан Шэню.

Тан Шэнь внимательно перечитал его и слегка улыбнулся.

Он и предположить не мог, что Тан Хуан сумеет так здорово воссоздать рекламные листовки супермаркета!

Да-да, именно рекламные листовки супермаркета.

Поручив все дела Павильона Байбао управляющему Лу и Тан Хуан, Тан Шэнь подал идею: договориться с печатней и раз в три дня печатать рекламные листовки, а затем распространять их по торговым лавкам города Шэнцзин.

Сказать-то легко, да исполнить оказалось чрезвычайно непросто.

Во-первых, каждому покупателю при входе в Павильон Байбао прилащик вручал корзину, в которой лежал свежий листок. В нём значились уценённые на сегодня товары и их цены. Сделать это было проще всего. Но ведь листовки требовалось распространять не только внутри Павильона Байбао, но и за его пределами — чтобы завлекать покупателей.

Терем Сися — собственное заведение семьи Тан, и там раскладывать рекламки было легко. Но кто согласится бесплатно выставлять чужой товар в сторонних лавках?

Тан Хуан с управляющим Лу долго ломали голову, пока Тан Хуан не придумала хитрость.

Если покупатель натыкался на листовку в каком-то магазине и решал отправиться за покупками в Павильон Байбао, ему достаточно было принести этот листок с собой, предварительно вписав на самом верху название той лавки. За это покупатель получал дополнительную скидку. А в конце каждого месяца Павильон Байбао на основании количества упомянутых названий выплачивал лавочникам вознаграждение.

Каждая отдельная выплата казалась копеечной, но медь к меди — получалась солидная сумма.

К примеру, человек увидел листовку Павильона Байбао в пирожковой лавке «Чжан», пришёл в Павильон Байбао и при расчёте предъявил её, написав сверху «Пирожковая Чжан». В Павильоне Байбао листок забирали, а покупателю предоставляли дополнительную скидку.

Допустим, человек по такой листовке купил товаров на пятьдесят монет, а Павильон Байбао отдавал пирожковой одну монету. А если таких покупателей набиралось сто человек, то и лавка получала уже сотню монет.

А главное — для сторонней лавки это был доход из ничего.

Пирожковой «Чжан» требовалось лишь принять листовки Павильона Байбао и разложить их у себя. Не вложив ни гроша, она получала деньги на пустом месте — от такого ли кто-то откажется?

Что до покупателей, то, найдя листовку и рассчитывая на выгоду, они с радостью отправлялись за покупками именно в Павильон Байбао.

Само собой, даже если у покупателя не было чужой листовки, при входе в Павильон Байбао он всё равно получал собственный листок магазина, по которому тоже полагалась небольшая скидка.

Когда Тан Шэнь узнал о замысле Тан Хуан, он специально позвал сестру к себе и спросил, как она додумалась до такого.

Тан Шэнь:

— Зачем нам за просто так отдавать деньги чужим лавкам?

Тан Хуан:

— Если не дать им выгоды, с чего бы им позволять раскладывать листовки нашего Павильона Байбао в их собственных лавках?

<http://bllate.org/book/18292/1754627>